

Диакон Андрей Кураев

ИСКУШЕНИЕ,
КОТОРОЕ
ПРИХОДИТ
«СПРАВА»

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
2005

Диакон Андрей Кураев

К 93 **Искушение, которое приходит «справа». —** Издательский Совет Русской Православной Церкви, М., 2005. — 96 с.

Новая книга диакона Андрея Кураева, профессора Московской Духовной Академии, говорит о внутрицерковных проблемах. На заре XXI века возродилась технология "экспорта революции". Революции в Сербии, Грузии, Украине... Эта книга о том, как возвращают митинговую атмосферу внутри Русской Православной Церкви. О том, как отличить традиционную церковную проповедь от модернистской подделки.

© Диакон Андрей Кураев, 2005
© Издательский Совет
Русской Православной Церкви, 2005

ISBN 5—94625—104—X

ОПРИЧНАЯ РЕФОРМАЦИЯ

О монархическом начале в Церкви. «Соборность» и ошибка славянофилов. Верно ли, что «народ — хранитель Православия»? Кто сказал, что «молчанием предается Бог»? Как народные братства унии помогли. Обесценурном Православии. О не-святости Ивана Грозного. О не-святости Григория Распутина. Как раскалывают Русскую Церковь. Спецпроект по имени «Старец Антоний»

Много лет я читаю лекции по технике религиозной безопасности. Конечно, на этих лекциях речь шла и о сектах. Сейчас же в моем курсе приходится писать новую главу. Оказывается, мало прийти в Православную Церковь. Затем вырастает не менее трудная задача — как выжить в Православной Церкви.

С одной стороны, как не утратить человечность, не превратиться в какую-то неулыбчивую мумию. С другой — как остаться в Церкви, не попав в псевдоправославную секту.

Сектантство — это не только те или иные кружки, которые собираются по домам культуры и кинотеатрам. От психологии сектантства не защищен и православный мирянин, и православный монах, и православный священник.

Самое тревожное мое наблюдение последних лет состоит в том, что сейчас, в начале XXI века, наша Православная Церковь оказалась на пороге не то что раскола, а гораздо более серьезной вещи. Я считаю, что на наших глазах начинается русская реформация.

В Европе Реформация произошла пять веков назад. У нас она припозднилась: ждала, пока не ослабнет государство. Пока

была государственная власть с ясной и жесткой религиозной политикой (сначала православной, потом — атеистической), мирянский активизм осаживался. Теперь этот «удерживающий» отошел. И мы увидели лицо «русского бунта». Лицо Григория Распутина и Пелагии Рязанской.

Издания типа «Русский вестник», «Русь православная», «Жизнь вечная» и просто «Жизнь» — вот буревестники русской реформации. Опричной реформации.

Не надо обманываться видимостью. Реформация — это не борьба с иконами, это не утверждение тех или иных лютеранских догматов.

Реформация — это всего-навсего антииерархическое движение мирян. Это бунт мирян против церковной иерархии, это мирянское движение, разворачивающееся под лозунгом: «Иерархия, дай порулить!»

Люди сами себя объявляют цензорами, защитниками и очистителями христианской веры и традиции, и такое самосознание дает им в их собственных глазах право на весьма радикальные суждения и действия. Дух реформации — это именно дух, это некая психология, самоощущение.

Реформаторы XVI века не считали себя модернистами. Лютер был убежден, что восстанавливает учение Церкви эпохи апостолов и Вселенских Соборов. Так и нынешние русские реформаторы убеждены в своей собственной традиционности и ортодоксальности. Но на деле за каждым их шагом стоит глубочайшее недоверие к движению церковной истории и к церковной власти. Более того, кажется, и «опричный царь» им нужен лишь для того, чтобы найти управу на непослушного им патриарха.

Сегодня трудно не заметить, что те люди, которые громче всех заявляют о себе как о «православных монархистах», ведут себя странно как по меркам православным, так и по меркам монархическим. Весьма громкая часть людей, декларирующих свое мировоззрение как «православно-монархическое», группируется вокруг таких изданий, от которых за версту несет банальной диссидентщиной (вроде «Руси православной»). Я не буду здесь излагать принципы иерархического устройства церковной жизни. Я не собираюсь вступать в спор с монархическими убеждениями наших реформаторов. Я просто прошу их подумать: а их собственное поведение хоть как-то совместимо с этими убеждениями?

По верному слову Толкиена: «Те, кто защищают право от бунтовщика, не должны бунтовать»¹.

Монархия есть отсечение своей воли, вверение ее Промыслу Божию, который держит «сердце царево в руке Божией» (Притч. 21, 1). В монархию нельзя входить с демократическими изобличительными рефлексам. Надо заставить свои пальцы разжаться из фиги, в которую они срослись за годы совласти и демократии, в распахнутую раскрытость, готовую принять все, что будет сказано с престола, как Промысл Божий.

Вот как святитель Филарет Московский еще в позапрошлом веке укрощал диссидентские похоти подданных Империи: «Заповедь Господня не говорит: не восставайте противу предлежащих властей. Заповедь говорит: *не прикасайтесь* даже так, как прикасаются к чему-либо легкомысленно, по неосторожности. Когда подвластные видят дело власти, несогласное с их образом понятия, как стремительно исторгаются из уст их слова осуждения! Как часто не обученная послушанию мысль подчиненного нечистым прикосновением касается самых намерений власти и налагает на них собственную нечистоту! Клеврет мой, кто дал тебе власть над твоими владыками?»² «Дух порицания бурно дышит в области русской письменности. Он не шадит ни лиц, ни званий, ни учреждений, ни властей, ни законов. Для чего это? Говорят: для исправления... А что в самом деле должно произойти, если всё будет обременено и все будут обременены порицаниями? Естественно, уменьшение ко всему и ко всем уважения, доверия, надежды. Итак, созидает ли дух порицания, или разрушает?»³ «Должно, говорят мудрецы века сего, повиноваться общественным властям на основании общественного договора, которым люди соединились в общество и для общего блага общим согласием учредили начальство и подчиненность... Никто не может спорить против того, что начальный вид общества есть общество семейное. Итак, младенец повинует матери, а мать имеет власть над младенцем потому ли, что они договорились между собой, чтоб она кормила его грудью, а он как можно меньше кричал, когда его пеленают? Что, если бы мать предложила младенцу

¹ Толкиен Дж. Р. Р. Сильмариллион. М., 1992. С. 56.

² Государственное учение Филарета, митрополита Московского. СПб.: Общество ревнителей прославления Святых Царственных Мучеников, 1993. С. 8.

³ Там же. С. 24.

слишком тяжкие условия? Не прикажут ли ему изобретатели общественного договора идти к чужой матери и договариваться с нею о его воспитании?»¹

Правила жизни в монархическом обществе предполагают, что надо всегда соблюдать заповедь: «начальствующего в народе твоём не злословь» (Деян. 23, 5). А это значит, что порой необходимо отказывать себе в удовольствии критиковать царя даже тогда, когда он очевидно неправ. Напомню, что когда прп. Максима Исповедника обвиняли в том, что он верит не так, как верит император, то Максим оказался в весьма непростой ситуации. Патриций Троил спросил преподобного: «Но разве ты не анафематствовал типоса?» (императорского указа, содержащего ересь. — А. К.). Старец отвечал: «Анафематствовал». — «Но если ты, — сказал Троил, — анафематствовал типос, то, следовательно, и царя?» — «Царя я не анафематствовал, а только хартию, ниспровергающую православную и церковную веру»². В итоге прп. Максим был все же осужден как политический преступник, как хулигатель «царского величия». И потому даже VI Вселенский Собор, приняв учение Максима, оправдав его учителей и осудив его противников, тем не менее не рискнул оправдать самого Максима лично. Его имя даже не упоминалось на этом Соборе...

Готовы ли сегодняшние монархисты к такой осторожности, к такой аскезе? Готовы ли они не указывать перстами на промахи и не кричать об ошибках (действительных или мнимых) «начальствующего в народе» — хотя бы только в народе церковном?

Сегодня в России нет монархии. Но это не означает, что в ней нет иерархии. Отсутствие самодержавия в России не означает, что с православного человека снята обязанность научения послушанию. Просто школа послушания теперь находится в самой Церкви. И тот, кто не смог «монархически» жить в Церкви, не сможет жить по-«монархически» и в самодержавнейшем государстве. Тот, кто дерзит Патриарху, будет дерзить и монарху. Если наши монархисты не могут наложить на себя обет воздержания от критики

¹ Государственное учение Филарета, митрополита Московского. СПб.: Общество ревнителей прославления Святых Царственных Мучеников, 1993. С. 5–6.

² Жития святых, изложенные по руководству Четых-Миней свт. Димитрия Ростовского. М., 1904. Кн. 5, ч. 2, январь. С. 233.

Патриарха, — как же они смогут воздержаться от критики монарха?

Люди, имеющие потребность и воспитавшие в себе навык постоянного выискивания поводов для оппонирования властям (как светским, так и церковным), — неужели же они смогут приучить себя к воздержанию от критики после введения в России монархического правления?

Да их пикеты окажутся на Сенатской площади не позднее 25 декабря того года, когда в России вдруг будет восстановлена монархия! Почему именно в этот день? — Да потому, что в этот день СМИ объявят, что накануне государь Всероссийский послал рождественское поздравление своей царственной родственнице королеве Английской и другим царствующим домам Европы. А в телеграммах пожелал Божией помощи и прочее. Ну как тут не обвинить православного царя в ереси экуменизма! Вместо того чтобы обличить английскую королеву в новостильно-протестантской ереси, шлет ей братское приветствие! Сердца наших «опричников» не вынесут такого.

Свт. Филарет говорил, что дурной гражданин земного отечества неблагонадежен и для Отечества Небесного. По этой же логике можно сказать, что тот, кто был дурным гражданином церковного сообщества, не станет добрым подданным и сообщества граждански-монархического. В патриаршей Церкви сегодня явлен опыт монархического устройства общества. Ту малую толику послушания, которую церковная иерархия возлагает на верующих, — многие наши «монархисты» не могут вынести. Неужели же они смогут безропотно жить в монархическом государстве?

Вот изложение Патриархом очевидной нормы жизни в Церкви: «Решения Соборов, священного Синода, выступления Предстоятеля Церкви по церковным вопросам — это официальная позиция Церкви, которая должна быть ориентиром для клириков, состоящих в ее юрисдикции. Лица, имеющие иные мнения, по меньшей мере обязаны воздерживаться от публичного оглашения их»¹.

Но сколько же сегодня православных «фундаменталистов», которые о высшей церковной власти упоминают лишь в язвительной критике («этот Ридигер»)! Наши «традицио-

¹ Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к клиру и приходским советам храмов г. Москвы на Епархиальном собрании 16 декабря 1997 г. М., 1998. С. 15.

налисты» не замечают, что никак не в традиции Церкви перетолковывать слова и действия Патриарха в наихудшем свете. Вспомним язвительное замечание святителя Филарета об «общественном договоре» между матерью и младенцем. Разве станет оно менее справедливым, если вместо матери мы в нем помянем отца? Патриарх же — «первенствующий из отцов». Тем более странной эта ситуация выглядит ввиду того обстоятельства, что многие из тех, кто сегодня нападет на Патриарха за его якобы недостаточное православие, были духовно еще не рождены и даже не зачаты в тот год, когда Собор избрал митрополита Алексия на Патриарший Престол. Они тогда еще были атеистами. Но сегодня они готовы диктовать и Патриарху, и духовным академиям — что считать Православием, а что ересью.

Более того — иерархический инстинкт у многих нынешних неофитов монархизма атрофирован настолько, что они сами готовы экзаменовывать церковных пастырей! Давно уже прозвучал призыв свт. Григория Богослова: «Овцы, не пасите пастырей!»¹ Давно уже святитель Василий Великий возмущался ситуацией, при которой «человек, недавно принявший на себя труд проникнуть в жизнь христианскую, а потом возмечтавший, что принесет ему некоторую честь столкновение со мною, слагает, чего не слыхал и рассказывает, чего не понял»².

...В дни работы Архиерейского собора в октябре 2004 года митрополит Воронежский Сергей решил подойти к пикетчикам, что стояли напротив входа в Зал церковных соборов. Когда он приблизился к этой группке, одна из пикетчиц сунула ему в руку листовку со словами: «Возьми, почитай!» Ее соседка смутилась от столь резкого обращения и робко заступилась: «Ну, зачем же так грубо! Это ведь, быть может, батюшка!» На что первая активистка отрезала: «Да какой же это батюшка! У него же панагия висит! Не видишь, што ль? Это ж епископ!»

Порой дух революционного модернизма, в одержании которым маются некоторые «ревнители церковных канонов», проявляет себя вполне открыто: «Мне видится лишь один путь возрождения русской монархии — партийно-вождистский. Все эти игры в возвращение “бывших”,

в “избрание Царя” и прочие современно-“монархические” штучки-дрючки есть самая настоящая политическая декадентщина, превращающая сторонников Реставрации в кучку ностальгирующих чудиков. В стране должна быть создана мощная национал-революционная партия орденского типа, партия, вооруженная детально разработанной правой идеологией. Она тайно или явно будет под руководством молодого и энергичного Русского Вождя, чей образ великолепно описан Шульгиным: “*националист по убеждениям и большевик по темпам работы*”. Вот он-то и есть Русский Православный Царь, власть которого освятит Церковь. Партия национал-революционеров будет представлять собой Лучших из Лучших, она составит ядро будущей русской национальной аристократии. У нее будут свои вооруженные силы, своя служба безопасности, свои орденские территории. Она превратится в Опричнину, возвышающуюся над Земщиной»¹.

Ясное дело: хорошо зафиксированный пациент в анестезии не нуждается.

И сказочки у этих опричников соответствующие: «...И тут очнулись русские люди, обрадовались, помолились Богу, и Он дал им Грозного Царя. Теперь на том Царстве Грозный Царь всех колдунов и вещунов на кострах сжигает. Конец и Богу слава!»²

И эти люди смеют прикрываться именем Алексея Хомякова! Для славянофилов основа церковной соборности — свободное единение любящих людей. Соборное единство есть «единство свободное и органическое, живое начало которого есть Божественная благодать взаимной любви»³. Но в нынешних «соборных опричниках» не чувствуется ни любви, ни умения дорожить свободой других людей.

¹ Александр Елисеев. Монархические плаксы на фоне русского героизма // Русь православная. 2003, июль http://www.rusprav.ru/2003/7/gr73_16.htm. Ср.: «Если же попытаться определить тот политический режим, тот способ власти, который нужен нашей истерзанной “реформами” Родине, исходя из тех политических реальностей, которые сегодня существуют, то я бы назвал его “православным сталинизмом”. И одним из важнейших его признаков должен быть стратегический союз русской государственной власти с Православной Церковью». — Игумен Алексей (Просвирнин). Монах и воин. Беседа с генералом Макашовым // Русь православная 1999, № 1 (19). Реакция Макашова: «Ну, если так, то и я — православный сталинист».

² О том, как горе горькое-горе злющее с колдуном-вещуном поссорилось // Сергиев Посад. Православно-патриотический вестник. № 16, 2001.

³ Киреевский И. Полное Собрание сочинений. М., 1911. Т. 2. С. 101.

¹ Свт. Григорий Богослов. Слово 19 // Творения. Троице-Сергиева Лавра, 1994. Т. 1. С. 293.

² Свт. Василий Великий. Письмо 71 // Творения. СПб., 1911. Т. 3, 97.

Революционные амбиции «ревнителей православного благочестия» порой проявляются столь ярко, что отпугивают даже близких им людей. Обозреватель «Русской линии» Анатолий Степанов, побывав на Съезде Православных братств, счел нужным публично отстраниться от недавних своих соратников: «22 ноября 2004 года в Москве в здании Союза писателей России проходила годовая конференция Союза Православных братств. В зале собралось около 150 человек, среди них известные в православно-патриотических кругах деятели: лидер Союза “Христианское возрождение” Владимир Осипов, настоятель храма Св. Николая на Берсеневке игумен Кирилл (Сахаров), священники Сергей Зинченко и Александр Васькин, писатель Михаил Назаров, литературовед Марк Любомудров, филолог Татьяна Миронова, издатели журнала “Первый и последний” Константин Гордеев и Вячеслав Манягин, атаман Терского казачьего войска Михаил Инкавцов, публицист Юрий Агеешев, издатель Юрий Самусенко, художник Игорь Мирошниченко и др. Председательствовал на конференции руководитель СПб и Союза хоругвеносцев Леонид Симонович. Если попытаться сформулировать лейтмотив выступлений на конференции, то его можно выразить словами **“курс на революционное православие”**. Самые яркие выступления, прозвучавшие на конференции и получившие поддержку зала, были именно такими. Тон задала, пожалуй, Татьяна Миронова. Она заявила, что нам, православным, нужно “сделать выбор: либо мы идем за этой властью, которая взяла курс на геноцид русского народа, либо мы должны бороться с властью”. Священноначалие нашей Церкви, по словам Мироновой, тоже виновато в геноциде русского народа, а потому “вместе с этой властью должно разделить ответственность за геноцид”. Однако Миронова пошла дальше обличений власти и церковного священноначалия. Дальше — в область вероучения. По ее мнению, нам, православным патриотам, мешает “неправильное понимание” некоторых истин нашей веры. Татьяна Леонидовна призвала изживать это “неправильное понимание”, поскольку, мол, это сдерживает активность православных “в деле борьбы с этим режимом”. Что же нам, православным, мешает? Оказывается, вот что: во-первых, добродетель послушания, во-вторых, добродетель терпения, в-третьих, добродетель непротивления. Ну и, разу-

меется, нам очень мешает “неудачное выражение” апостола Павла, что “нет власти, аще не от Бога” (Рим., 13, 1). Позиция четкая и ясная. Можно сказать, что **начертана программа революционной борьбы с властью под лозунгами православия, настоящее “революционное православие”**. Показательно, что выступление Татьяны Мироновой было поддержано многими выступавшими на конференции Союза Православных братств. Некоторые, как известный идеолог и публицист Михаил Назаров, “полностью присоединились” к выступлению Мироновой. Некоторые выступили, по сути, с аналогичными идеями, но говорили другими словами. Некоторые пошли дальше, логически продолжив мысли Мироновой, как представитель РНЕ Ф. Кирьянов, который начал обличать Святейшего Патриарха Алексия II (в выступлении Мироновой содержалась только общая критика священноначалия), припомнив пресловутую речь перед раввинами. И практически никто не противоречил тем идеям, с которыми выступила Т. Миронова¹.

Так как же отличить реформатора от обычного церковного человека? Ведь даже резкие критические слова в адрес иерархии могут быть сказаны в сердцах, ситуативно (а иногда — и заслуженно). Самостоятельная оценка тех или иных текущих событий церковной жизни не есть еще признак реформаторства. Революции нужна идеология, нужно альтернативное богословие. Так есть ли оно сегодня?

Да. Есть три признака, по которым можно отличить человека, уже зараженного реформацией, от традиционного церковного человека.

Первый симптом определяется по тому, какой смысл он вкладывает в слово «соборность».

Есть у историков науки такая шутка: величие человека измеряется тем, насколько он затормозил развитие своей науки. Это больше чем шутка. Авторитет подлинно великого ученого столь огромен, что многие поколения аспирантов чахнут в его тени, не смея поставить под сомнение теории великого мэтра.

Велики были русские славянофилы XIX века. Искренние, мужественные, верующие и умные люди. Велики их заслуги

¹ Степанов А. Союз Православных братств перед выбором. Курс на «революционное православие» приведет СПб к полной маргинализации // Русская линия <http://www.rusk.ru/newsdata.php?idar=102808>.

перед Церковью. Но и рану русскому богословию они нанесли незаживающую. Они (и прежде всего — А. С. Хомяков) профанировали богословский термин «соборность». Богословский термин они перевели на язык этнографии и социологии, отождествив соборность и общинность.

До революции богословские труды Хомякова издавались с предупреждением от церковной цензуры — неточность выражений автора вызвана тем, что он не имел богословского образования... «Официальное школьное богословие хомяковская соборность пугает», — писал Николай Бердяев¹. Бердяевская интонация и оценки — это одно, но сам факт остороженного отношения академического богословия к теологическим опытам Хомякова Бердяев отметил точно.

Академическое богословие совершенно справедливо не усматривало никакой связи между «соборностью» и соборами как органами управления Церковью. Достаточно посмотреть «Катихизис» свт. Филарета Московского.

Славянское слово *соборный* — это не вполне удачная попытка перевести греческое слово *кафоликос*. Вряд ли можно утверждать, что именно учителя славян свв. Кирилл и Мефодий перевели греческое слово *кафоликос* как *соборный*.

В большинстве древних славянских текстов слово *кафоликос* оставалось без перевода. Лишь в XIV–XV веках слово *соборный* вытесняет *кафолический*. До той поры оно было лишь одним из многих славянских конструктов, которыми пробовали передать смысл греческого оригинала: *мирский*, *вселенскъ*, *общь*, *всѣчьскъ*². Судя по этому разному в терминах, не Кирилл и Мефодий стоят у перевода *соборный*.

В конце концов, это просто затемняющий перевод греческого термина. Для древних славянских книжников эта неправильность была неизбежной по той причине, что наиболее точный смысл слова *кафоликос* — *вселенский* — был уже занят совсем другими денотатами. Термин «вселенная» воспринимался как синоним Византийской империи (а славянские идеологи не хотели считать свои земли частью

греческой империи), и вселенской Церковью называла себя именно и только патриархия Константинопольская.

Славянское слово *соборный* было бы хорошим переводом греческого слова *синодикос*, поскольку *собор* по-гречески — *синод* (буквально *со-путие*, *идущие вместе*). А вот слово *кафоликос* надо было бы перевести как-то иначе.

Слово *олос* в классическом греческом языке означает *целый*, *цельный*, *полный*, *совершенный*, *весь*. Соответственно, *каф-оликос* означает *всеобщий*. У Аристотеля *кафолико лого* значит *вообще говоря* (в смысле *общее правило*). *Наречие кафолу* означает *всеобщие*.

Философы словом *кафоликос* пользовались для обозначения предельных реалий¹. Зенон писал трактат об универсалиях, *кафолика*. При этом универсальное понималось как нечто единственное, его нельзя было путать с суммой. Это то целое, которое прежде и первичнее своих «частей», то целое, которое придает смысл и бытие своим компонентам².

Единство и целостность Церкви строятся Сверху: Единый Бог дарует Себя и Свое единство людям...

И все же слово *кафоликос* слишком непонятно: предлог *ката* означает *по*; корень *ол* — *всё*... Получается — *повсемный*. Но по чему — по всему?

Было время, когда и на Западе, и на Востоке слышался одинаковый ответ на этот вопрос: «Церковь называется соборною потому, что она в целой вселенной, и потому, что во всеобщности и без всякого опущения преподает все, долженствующее входить в состав человеческого ведения. Наконец, потому, что как повсеместно врачует она всякого рода грехи, так в ней же приобретается все, именуемое добродетелью»³. «Церковь называется кафолическою потому, что она совершенна в целой общности своих членов, и не заключена ни в ком из них, и что распространена по всему миру»⁴.

¹ См.: *Апри де Любак*. Католичество. Милан, 1992. С. 32.

² Прекрасно это выразил Честертон: «Церковь — не клуб! Если из клуба все уйдут, его просто не будет. Но Церковь есть, даже когда мы не все в ней понимаем. Она останется, даже если в ней не будет ни кардиналов, ни папы, ибо они принадлежат ей, а не она — им. Если все христиане умрут, она останется у Бога» (*Честертон Г. К.* Шар и крест // Приключения '90. М., 1990. С. 303).

³ *Св. Кирилл Иерусалимский*. Огласительные слова. М., 1855. С. 340–341.

⁴ *Августин*. О книге Бытия, буквально. 1 // *Августин, епископ Иппонский*. Творения. Ч. 7. Киев, 1912. С. 98.

¹ *Бердяев Н. А.* О характере русской религиозной мысли XIX века // Типы религиозной мысли в России. [Собрание сочинений. Т. III] Париж: YMCA-Press, 1989. С. 26.

² См.: *Гезен А.* История славянского перевода Символов веры. Критико-палеографические заметки. СПб., 1884.

Но необходимость борьбы с локально-ограниченными африканскими сектами заставила Августина сместить акцент в этой формуле. Неправда раскольников-донатистов кажется ему очевидной — ведь за пределами Африки их учение не имеет сторонников. «Вы под свойством веры кафолической понимаете обязанность выполнять все заповеди Божии и таинства, а не распространение ее по всей вселенной» — ставил на вид донатистам блж. Августин¹.

Донатисты же считали себя верными традициям и утешались тем, что с ними старина, а не большинство современников. На Карфагенском соборе 419 года донатист заявил: «Вселенская Церковь основана не на множестве отцов, а на чистоте и неповрежденности таинства»². В общем эта позиция верна. Она и стала главенствующей в богословии восточных отцов. «Один человек плюс Бог — это уже большинство», — так понимается кафоличность в Православии³. Пусть даже Максим Исповедник (или Марк Эфесский) один, но если с ним Бог, то это уже большинство. Таково вертикальное измерение соборности и кафоличности.

На Западе все больше акцент делался на географической эйфории. Приводя цитату из документов Второго Ватиканского собора, современный католический автор, например, пишет: в этом тексте «показана реализация в католической Церкви признака католичности и основные его составные моменты: множество членов и широкое общественно-географическое пространство. Это достаточное основание считать, что данная Церковь обладает действительно реализующимся признаком католичности»⁴.

Для Востока Церковь соборна по вертикали, ибо «держит собор» с Богом; для Запада — по горизонтали, ибо ее голос слышен повсюду. Но как бы ни различались понимания кафоличности на Востоке и на Западе, нигде до славянофилов кафоличность не понималась как демократическая общинность, как участие «церковных журналистов» и пономарей в работе Архиерейских соборов.

¹ Цит. по: *Кутепов Н.* Раскол донатистов. Казань, 1884. С. 51.

² Там же. С. 227.

³ Должен, правда, признаться, что эту формулу я взял не у самих отцов, а у немца Фрэнка Бухмана.

⁴ *Наги Станислав.* Католическая Церковь. Богословские обоснования. Рим—Люблин. 1994. С. 235.

Церковь соборна с минуты Пятидесятницы. Она была соборной и во II и III веках — от Апостольского собора до эпохи Вселенских Соборов. Церковь в это время жила, не управляясь какими-то великими соборами, и тем не менее соборность Церкви как ее онтологический атрибут в ней оставалась.

В Российской империи в XVIII—XIX веках не было соборов. Тем не менее и наша Церковь оставалась соборной, опять же не по способу избрания главы и не по процедуре принятия решений, а потому, что там, где Господь пребывает со Своей Церковью, там Церковь кафолична. Тогда она содержит всю полноту благодати, полноту таинств, независимо от того, как избирается Патриарх. Соборность — онтологическое свойство Церкви, а не указание на образ управления ею¹.

Тот же, кто говорит, что «для возрождения соборности» нужны референдумы и съезды церковных депутатов, показывает лишь меру своего незнания с традицией церковного богословия². Я же не могу не присоединиться к мнению прот. Георгия Флоровского, по оценке которого славянофильская соборность — это «фальшивая кафоличность»³.

Второй признак человека, вдохновляемого жадной реформации — это напористое цитирование фразы из «Послания восточных патриархов» о том, что в Православии народ выступает хранителем веры и благочестия.

Фраза, некогда столь поразившая славянофилов своей демократичностью, гласит: «У нас ни патриархи, ни соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия у нас есть самое тело Церкви, то есть самый народ, который всегда желает сохранить веру свою неизменной»⁴.

¹ Алексею Хомякову, впрочем, удавалось выражать и более глубокое понимание соборности: «Не лица и не множество лиц в Церкви хранят Предание и пишут, но Дух Божий, живущий в совокупности церковной» (*Хомяков А. С.* Церковь одна // Сочинения. Т. 2. Работы по богословию. М., 1994. С. 8).

² «Один из примеров искажения всей церковной жизни — это перенос гражданско-правовых понятий и политических терминов во внутрицерковную жизнь. Есть попытки внедрить на приходах религиозно-демократический плюрализм» (*Патриарх Алексий.* Войдите в радость Господа своего. Размышления о вере, человеку и современном мире. М., 2004. С. 76).

³ *Уильямс Дж.* Неопатристический синтез Георгия Флоровского // Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. М., 1995. С. 313.

⁴ Окружное послание Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всем православным христианам (1848 г.) // Догматические послания православных иерархов XVII—XIX веков о православной вере. Троице-Сергиева Лавра, 1995. С. 233.

Ну, во-первых, Хранитель Православия, Хранитель благочестия в Церкви только один — Христос. Это единственный гарант существования Церкви.

Во-вторых, непонятно выражение «тело Церкви». Сама Церковь есть тело Христово (Еф. 1,23). И что же это за «тело тела»? И если народ есть «тело Церкви», то духовенству тогда остается что — быть вне тела Христового?

В-третьих, народ лишь частица церковной соборности. В Церкви как теле Христовом есть разные служения. В том числе — иерархическое и богословское. Эти служения не могут осуществлять себя в отрыве от остальных, но и иные части тела Христового без них не могут претендовать на полноту и на целокупное имя «тела»¹. Поэтому уравнение церковного «тела» и народа надо признать ошибочным.

Ректор Московской Духовной Академии прот. Александр Горский подметил эту погрешность славянофильской «соборности» еще в XIX веке: «Хомяков утверждает, что охраняет Церковь от погрешностей не иерархия, а народ, и приводит слова Грамоты патриархов 1848 года. Это несправедливо. Он воображает, что после Вселенских Соборов бывали какие-то еще рассуждения у неприсутствовавших на соборах о том, правильно ли решен тот или другой догматический вопрос, и только после рассмотрения и единогласного одобрения принимались эти определения. Это фикция. Таких суждений никто снова не предпринимал, тем менее миряне. Если и было после некоторых соборов, именовавших себя вселенскими, опровержение их, как после собора иконоборческого или Флорентийского, то не миряне единственно восставали, но с ними и остальные иерархи, на соборе не присутствовавшие или на соборе терпевшие насилие. Что касается до слов Грамоты, то она имеет в виду только внешнее охранение, а не развитие и разъяснение учения. Во времена гонения на Православие множество православных естественно должно было защищать пастырей своих, готовых стоять за Православие,

¹ «Тело же не из одного члена, а из многих... Если все тело глаз, то где слух? если все слух, то где обоняние?.. А если бы все были один член, то где было бы тело? Но теперь членов много, а тело одно... И вы — тело Христово, а порознь — члены. И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых пророками, в-третьих, учителями... Все ли апостолы? все ли пророки? все ли учителя?» (1 Кор. 12, 14–29).

и императоры опасались их трогать, например, Валент — Василия Великого. С другой стороны, конечно, и пастыри иногда побаивались своего народа, когда они желали в чем-либо изменить истине. В этом смысле говорится, что и наш раскол немало способствовал сохранению нашей Церкви в древнем ее положении. Но это не дает еще права объяснять непогрешимость Церкви миром, то есть обществом мирян, помимо иерархии: без учителей веры, что было бы это стадо?.. Хомяков говорит, что Церковь «оставляет за собой право судить о том, верно ли засвидетельствованы ее вера и ее Предание». Это выводится из истории некоторых соборов, даже имевших притязания на наименование вселенских, которые однако же потом были отринуты Церковью, например, собор Флорентийский. Но что же? кто отрицал его? кто осудил его? Народ, но не один народ. А формально осудили его патриархи и епископы, не бывшие во Флоренции, патриархи, которые давали полномочия своим местоблюстителям, представлявшим их лица на соборе, и которые потом могли, и даже обязаны были, поверить действия своих представителей на соборе»¹.

В-четвертых, весьма странно поступили греческие иерархи, решившие похвастаться перед Европой своей демократичностью и «соборной любовью» и при этом не нашедшие нужным обсудить заготовку своего послания с крупнейшей православной Церковью мира — с Церковью Российской Империи (ведущим иерархом которой в ту пору был свт. Филарет Московский). Это вековечное греческое презрение к «северным варварам» показывает, что патриархи сами не верили в то, что они говорили. Это была не более чем греческая красавица. Любопытно, что возвышенные эпитеты и красивые хвалебные словеса весьма девальвированы в греческой церковной словесности.

В-пятых, в этом тезисе обнаруживается внутреннее противоречие. Если народ — хранитель Православия, то какое нам дело до того, что сказали восточные патриархи? Вот если бы был проведен на Ближнем Востоке референдум, и в ходе референдума народом был бы одобрен сей тезис, тогда он был бы логичен. А так получается, что высшие иерархи

¹ Замечания прот. А. В. Горского на богословские сочинения А. С. Хомякова // Богословский вестник. М., 1900. Ноябрь. Т. 3. С. 540.

смирненно говорят: народ, послушай нас в последний раз и после знай, что ты, народ, и есть мерило веры.

В-шестых: сохранить-то веру неизменной церковный народ, конечно, желает. Но знает ли он ее? И как он может хранить то, чего не знает?

Человек не может хранить то, чего не знает. Человек не знает того, что он не в состоянии рассказать и объяснить. Вот апостол Петр и призывает: «будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ» (1 Петр. 3, 15). Самый верный способ выучить и запомнить некий материал — это пересказать и объяснить его другому... Так что скорее у протестантов, прихожане которых не расстаются с Библией, народ выступает хранителем той веры, которой он был научен.

Много раз я просил православные аудитории вспомнить тот апостольский текст, который они слышат чаще всего. Более всего праздников церковного календаря посвящено Божией Матери и ее чтимым иконам. Более всего молебнов служит Божией Матери. Апостольское же чтение в этом случае — это Флп. 2, 5–11. В этом тексте есть такие слова: «Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек, смирил Себя даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных, и преисподних». Зачем я прошу православных вспомнить и запомнить эти слова апостола? Да ведь если бы мы помнили эти слова — то у «свидетелей Иеговы» не оставалось бы никаких шансов для проповеди своего учения в православной стране. Как они могли бы утверждать, будто Библия не учит о том, что Христос был Богом, если бы православные в ответ напоминали им этот текст? Ведь в нем ясно сказано, что Христос не считал воровством признать Себя равным Богу! Если бы Он был лишь ангелом (пусть даже архангелом), такое мнение Его о Себе Самом было бы чудовищным кощунством. В том же тексте ясно говорится о том, что именем Иисуса, а не Иеговы должно быть преклонено всякое колено (впрочем, имя Иеговы входит как составная часть в имя Иисуса, которое по-еврейски означает «Иегова спасает»)... Но даже этот, самый читаемый в Богослужении, библейский текст православные прихожа-

не не помнят и не понимают. И потому даже важнейшую свою святыню — веру в то, что спасти нас пришел Сам Бог, а не ангел, не могут защитить...

Народ, который не помнит фундаментальных текстов Писания, не может их пересказать и защитить — христианское ли благочестие он будет хранить?¹

А поскольку богословски-догматические вопросы в народе малоизвестны, то возможные перемены в этой области тем более могут оставаться незамеченными.

На этот свой тезис я однажды встретил возражение: «Но как тогда быть с тем, что православные греки все-таки отвергли Флорентийскую унию (то есть явили чистоту догматического мышления), в то время как епископат ее подписал? Или этот пример — исключение?»² Нет, это даже не исключение. Это просто — не пример. Народ, хоть и глухо роптал, но в общем-то не восстал ни в 1439 году, ни в 1452-м (официальное объявление унии в Константинополе произошло 12 декабря 1452 г. в храме Св. Софии)³.

¹ Иеромонах Симон Кохановский в 1720 г. свидетельствовал в своей благовещенской проповеди: «Бабьими баснями и мужицкими забобонами (суевериями) весь мир наполнился: уже бо неточно священники и прочие книжные люди, но и неграмотные мужики и бездельные деревенские бабы всю тую диавольскую богословию наизусть умеют — которая пятница святейшая и которая сильнейшая, которая избавляет от огня, которая от воды, которая от вечной муки. А молитву «Отче наш» разве сотый или тысячный мужик умеет! На сколько просфорах обедню служить — все о том спорятся, а что есть причастие Тела и Крови Христовой, того и не поминай... Сказки бездельные, бабьи басни и продолженные срамотные песни и малые дети наизусть умеют. А десять заповедей Божиих и старые мужики того не знают» (цит. по: *Пекарский П. П.* Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1–2. С. 3–4).

² *Елена Степанян.* Тот, кто говорит неприятные вещи. К выходу в свет книги диакона Андрея Кураева «Оккультизм в Православии» // Православная беседа. 1999, № 1.

³ «При других обстоятельствах все это могло бы кончиться бунтом, расколом, но ничего такого в настоящее время не произошло. Уния имела своим последствием в рядах приверженцев православия нечто совсем неожиданное. В день провозглашения унии жители обоего пола и всех сословий, недовольные этим делом, устремились толпами из Софийского храма к келье одного монаха, по имени Геннадий Схоларий (впоследствии патриарха). Ответ Геннадий начертал на дощечке, выставленной на дверях его келии. Ответ очень понравился ревнителям православия. Они сочли нужным выразить свою радость каким-нибудь празднеством. И вот греки из монастыря рассеялись по трактирам; здесь они пили за погибель папских приверженцев из их среды, опорожняли свои стаканы в честь Богоматери и заплетающимися языками просили Ее защитить город от Магомета.

Не народный бунт смел унию, а турки (точнее — Промысл Божий через турок, которым Он передал власть над Константинополем)...

Народ же в последний день Константинополя устремился именно в тот самый храм Св. Софии, который формально был уже униатским. Та, последняя, литургия, о которой потом сложили так много легенд, была униатской... Но для турок, захвативших Константинополь всего лишь через полгода после обнародования унии, было политически выгодно отколоть восточных христиан от западных. Идея унии лишилась государственной, светской поддержки. И потому для епископата, не связанного более императорской волей, уже не составило труда отвергнуть униональные подписи... А в Москве не возмутились ни епископы, ни народ. Тут при известии о заключении унии «все князи умолчаша и бояри и инии мнози, еще же паче и епископы руския вси умолчаша и воздремаша и уснуша». Здесь отторжение унии (изгнание митрополита Исидора) произошло по инициативе и воле великого князя Василия Васильевича¹. Кстати, именно Исидор в 1452 г. уже в качестве папского посла и возглашал унию с Константинопольской Церковью (спустя полгода он убежит от турок, переодевшись простолюдином)... А в другой византийской столице — Фессалониках — народ не принял св. Григория Паламу в качестве своего архиепископа².

А о том, что богословские революции могут происходить незаметно для народа, свидетельствует хотя бы история русского богословия: двухсотлетнее пленение школьного богословия католической схоластикой вызвало в конце концов протест среди самих ученых богословов (вспомним хотя бы архиеп. Сергия (Страгородского) и свт. Илариона (Троицкого)), но не в монастырях и не на приходах... И вновь повторю

В двойном опьянении, от религиозного исступления и от вина, они отважно восклицали: “Не нуждаемся мы ни в какой помощи от латинян!”» (Лебедев А. П. Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века. СПб., 1998. С. 344–345. Впрочем, Лебедев здесь всего лишь переписывает у Гиббона. См.: Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. Т. 7. М., 1997. С. 354–355. В отличие от Лебедева, Гиббон, правда, отмечает, что Геннадий был участником Флорентийского собора и там он поддерживал унию — с. 387). Что это — «хранение благочестия» или выплеск застарелой ненависти?

¹ См.: Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. М., 1991. С. 356.

² См.: Успенский Ф. И. История Византийской Империи. XI–XV века. М., 1997. С. 576.

свой аргумент: исходя из формулы «народ — хранитель благочестия» нельзя объяснить, отчего, например, западноукраинский народ своим сердцем принял унию, а восточноукраинский опять же сердцем ее отверг...

Наконец, стоит помнить, что в «Послании патриархов» тот народ, что хранит благочестие, по-гречески назван *лаос*, а не *этнос*. Этот народ не имеет отношения к этническим общностям и к социологическим вопросам. Здесь «народ» — это «верные», люди Церкви, живущие Церковью и живущие церковно. О них говорит формулировка «Катихизиса» современника авторов «Послания» — московского святителя Филарета: «Все истинно верующие, соединенные Священным Преданием веры, составляют из себя Церковь, которая и есть верное хранилище Священного Предания»¹. Здесь вполне осознанный и нарочитый круг в определении: те, кто в Предании, и хранят Предание. Не народ, но верные хранят веру. Верные же — это те, кто достойно и «с рассуждением» (ср. 1 Кор. 11, 29) участвуют в Литургии верных.

Есть еще в греческом языке для обозначения народа слово *демос*. Может быть, именно *демос* свят и непогрешим? В текстах Нового Завета слово *демос* употребляется три раза: Деян. 12, 22: «а народ восклицал: это голос Бога, а не человека», — и это была всенародная лесть Ироду. А в Деян. 17, 5 и 19, 30–33 *демос* — это толпа². «Толпа — хранитель благочестия» звучит несколько странно...

Так, может, всегда «чувствует» Православие *этнос*? Насколько православно, «верно» православное население православных стран? Насколько «рассудительно» его участие в Литургии? Нет — богословскую работу по уяснению истин Предания нельзя подменять этнографическими исследованиями того, «какую веру верует» этнос. Руссоизм, «народничество», народопоклонство неприемлемы в богословии. Призывы к «опрошению», обучению «у народа», «слиянию с народной стихией» опасны — как опасны любые призывы к играм со стихиями. И если мы «со Христом умерли для стихий» (Кол. 2, 20), — то эта смертность (в смысле неподвижности, отсутствия реакции на провокации и пригласения со стороны мирских стихий) должна быть распространена и на стихию народную.

¹ Филарет Московский, митр. Пространный христианский катихизис. М., 1909. С. 6.

² В Синодальном переводе Деян. 17, 5 и 19, 33 слово *демос* переводится как «народ», но по смыслу — именно «толпа». — Ред.

И уже тем более нельзя из этой формулы выводить нечто более радикальное: мол, народная вера и есть нормативное Православие и критерий Православия. Не все то, во что верит прихожанин, православно. Не все свои верования он почерпнул из церковной проповеди, из Писания и святых отцов¹. Не все приходские «предания» тождественны преданиям вселенским. И не все свои верования прихожанин раскрывал перед духовником и повергал его суду. Не все даже

¹ «А еще в эти дни русский крещеный человек (обычно степенный и осмотрительный), забыв обо всем, как одержимый, буквально бросается в объятия к нечистой силе. Нарушая всевозможные табу, грешит жадно и безоглядно. Грешит так, словно не может не грешить... *«На стыке Старого и Нового года,— согласно народному поверью, — есть страшный разлом. Господь Бог на радостях, что у Него родился Сын, позволил чертям покинуть преисподнюю, вот они и гуляют-шалют на воле до самого Крещения. И ничего тут не поделаешь...»* Гадая тысячьо различных святочных способов *«на суженого-ряженого»*, деревенская девушка никогда не забывала снять с себя нательный крестик и пояс-оберег (со словами псалма *«Живый в помощи Вышняго...»*), чтобы не распугать ненароком чертей — какое без них гадание? Привычный страх перед нечистой силой, заставлявший прежде крестить даже зевнувший рот (чтобы бес не залетел), на Святки куда-то улечивается. Все наперебой стремятся угодить расшалившимся чертям. Сентиментальные малоросские колядки, исполняемые чинными «христовлавами», да кукольные вертепы с волхвами-пастухами (то, что нынче ошибочно считается русской святочной традицией) — на самом деле не более чем позднее заимствование. До XVIII века этих благопристойных «импортных» развлечений на Руси не знали — «бал правил» сплошные непристойности. В отличие от порядком «окатоличенных» малороссов (панически боящихся всякой нечисти), русские люди (особенно на Севере) с чертями были *«на короткой ноге»* — баловали домовика-хозяйку нюхательным табаком, а банника — ржаным хлебом, вышивали маленького «личного» чертика на изнанке рубахи (чтобы чужих не подпускал). В общем, принимали Божий мир таким, каков он есть, — с чертями. Считалось, что понастоящему страшна лишь чужая нечисть (различали *«своебесие»* и *«чужебесие»*)... *«Маленький, щупленький, носик востренький, в очках, говорит быстро, складно, да ничего не поймешь, и все время улыбаются...»* Тьфу! Одно слово: *«хвранцуз»*. Ну как от такого отбиться без *«рогатых союзников»*?! Святки — самая нижняя точка годового календарного круга — самое время с ними водиться... Вот и колобродит русский человек чертям на радость, себе — на пользу 12 дней. А в ночь на тринадцатый — начертит где только можно мелом крест, помолится в Божьем храме и, несмотря на лютый крещенский мороз, с головой окунется в прорубь-иордань, смывая жирную копоть святочного баловства, заново рождаясь для явившего Себя миру в этот день Божьего Сына...» (Владимир Гольцев. Святки // Завтра 2000, № 2). Это не этнографические заметки. Это патриотическое воспевание чего угодно, лишь бы «народного».

замеченные псевдоправославные верования духовник счел пастырски необходимым оспорить¹.

«Верные», посещающие наши храмы и даже причащающиеся в них, далеко не во всем верны Православию². А если он не верен Православию — значит, он и не член того *лаоса* (церковного народа), который хранит Православие.

В общем, народное происхождение некоего поверья — не есть индульгенция. Принятие чего-то прихожанами еще не есть гарант духовной доброкачественности. Слишком много церковная история знает примеров, когда церковный народ послушно оставял Православие и следовал в ересь вслед за своими пастырями... И даже больше: та же Западная Украина дает пример настойчивого отторжения Православия народом, которому православное государство пыталось вернуть его бывшее православное благочестие...

Если народ хранит Православие — значит, Православие есть не более чем часть «этнографического наследия». Вернее было бы сказать иначе: Православие хранит народ. Бог милостью Своею терпит нас и несмотря на все наши беззакония (как личные, так и общенародные) все же не отрекается от нас. И те люди из народа, которые будут держаться Православия, не отступят от него, — будут сохранены в той

¹ Пример фольклорного верования, с которым церковное учительное слово не спорит: народное убеждение в том, что на Пасху всегда солнышко играет, а на Богородичные праздники (особенно на Благовещение) небо голубое. Спорить тут, конечно, не стоит. Но во избежание разочарований неплохо было бы держать в уме заметку из дневника Государя Николая Александровича: «25.3.1918. Благовещение. Крестопоклонное воскресенье. Погода была неудачная — серая и холодная» (Дневники Императора Николая II. М., 1991. С. 672).

² Кстати, вот один из вопросов, на которые у меня нет ясного ответа: почему католическим мирянам мы не прощаем их ошибочного верования в папскую непогрешимость или *Filioque* и не допускаем их до причастия в наших храмах, а наших собственных прихожан, которые сплошь и рядом придерживаются заблуждений гораздо более серьезных — спокойной причащаем, не заботясь об исправлении их суеверий? Неужели не понятно, что за приходским суеверием, запрещающим есть арбузы и яблоки и вообще все круглое в день усекновения главы Иоанна Предтечи, стоит матерый магизм (так называемая симпатическая магия, отождествляющая разные предметы на основании наличия у них одной схожей черточки; в данном случае — круглость головы и арбуза). В этой детали проглядывают языческие глубины, так и не преобразованные евангельской проповедью. И это по меньшей мере такой же магизм, как и тот, что верит, что на ватиканском престоле восседает оракул, облаченный властью изрекать непогрешимые истины. Чужой магизм мы не прощаем, но свой почему-то терпим...

среди людей, сделавших одинаковый с ним жизненный и мировоззренческий выбор. Это не приходской священник, который общается лишь с теми, кто сам находит дорогу к его приходу и обращается к нему как к «отцу». Епископ должен «контактировать» и с банкирами, и с партийными активистами, с госадминистрацией и лидерами других крупных религиозных групп, со светской интеллигенцией и монахами... Поэтому епископ держит в голове большее число параметров, по которым он просчитывает последствия тех или иных своих слов и действий.

Кроме того — епископ, в отличие от духовника — публичен. Его слово звучит не один на один, не на индивидуальной исповеди и не в закрытом пространстве храма, а открыто. И значит, тем более осмотрительным он приучается быть. Заявление, которое с восторгом могло бы быть принято в его епархиальном монастыре, может закрыть перед ним двери многих властных кабинетов, а в итоге затормозить восстановление какого-нибудь храма и тем самым оставить без церковной молитвы тысячи людей... Оттого епископ, в отличие от монастырского послушника, не может жить в виртуальном мире «ультраправославных» листовок и брошюр. Он слишком многими порами своей души соприкасается с реальным и, увы, нецерковным миром (конечно, стараясь при этом в глубине сохранить все же иные жизненные стремления и иную систему ценностей).

В мире, в котором меняется все, — в том числе и место в нем Церкви, нужно, чтобы от имени Церкви звучали трезвые голоса. Голос Архиерейского собора точно будет именно таким. А на Поместный собор пробуют прорваться люди, которым добродетель трезвости и рассудительности еще чужда. И пока еще жизнь Церкви не настолько восстановилась, чтобы быть уверенными в том, что обычные тихие приходы смогут устоять перед организованным напором заезжих радикалов.

СОДЕРЖАНИЕ

Опричная реформация	3
Почему не созывают Поместный собор? ...	88

Диакон Андрей Кураев

ИСКУШЕНИЕ,
КОТОРОЕ ПРИХОДИТ «СПРАВА»

Редактор

Е. В. Тростникова

Технический редактор

З. С. Кондрашова

Корректор

Ж. П. Григорьева

Верстка

И. И. Покидова, Е. А. Тюжина

Подписано в печать 11.01.05. Формат 84x108/32.

Объем 3,0 п. л. Печать офсетная. Гарнитура Newton.

Тираж 7 000 экз. Заказ № .

Издательский Совет Русской Православной Церкви.
119435, Москва, Погодинская ул., 20, корп. 2

Отдел реализации: (095) 246–20–85, 246–52–08

Магазин: (095) 245–30–68